

ДИПЛОМАТИЯ Н.Н. МУРАВЬЁВА-АМУРСКОГО КАК ПРОТОТИП «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К КИТАЮ (1848–1860)

Аннотация

В статье с привлечением новых архивных документов, малоизученных опубликованных источников, новейшей исследовательской литературы и современной методологии политико-исторического анализа рассматривается дипломатия «мягкой силы» видного государственного деятеля, генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Муравьёва-Амурского, проводившаяся в 1848–1860 гг. по отношению к цинскому Китаю. При этом акцентируется участие в разработке внешнеполитического курса его администрации большой группы сотрудников, профессиональных экспертов-синологов и в том числе советников из числа находившихся в сибирской ссылке русских оппозиционеров. Центральное место в работе уделяется ресурсному потенциалу «мягкой силы» (кадровому, информационному и научному) как главному фактору дипломатического успеха Муравьёва-Амурского в многолетних переговорах по мирной, ненасильственной демаркации российско-китайских границ на Дальнем Востоке. По мнению автора статьи, стратегический успех «Амурского дела» 1850-х гг. обусловил оптимальный выбор генерал-губернатором методов и средств, пригодных для осуществления данного проекта.

Ключевые слова: Муравьёв-Амурский, Восточная Сибирь, Китай, Россия, дипломатия, «мягкая сила».

Автор

Должиков Вячеслав Александрович

Доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Азиатского экспертно-аналитического центра этнологии и международного образовательного сотрудничества, профессор кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

В мае 2018 г. исполняется 160 лет Айгунскому и Тяньцзинскому российско-китайским договорам (1858 г.), урегулировавшим вопрос о дальневосточных границах двух соседних стран. По ним за Россией закреплялось левобережье Амура и право судоходства по рекам Амуру, Уссури и Сунгари, а согласно Пекинскому договору (1860 г.), российско-китайская граница проходила по р. Уссури. С этого момента и Уссурийский край официально вошел в состав Российской империи.

Главным инициатором вышеперечисленных дипломатических актов,

значение которых сегодня поистине трудно переоценить, был русский государственный деятель, военачальник и талантливый администратор Николай Николаевич Муравьёв-Амурский (1809–1881). «Присоединение Амура не стоило России, — вспоминал непосредственный участник эпохального события М.И. Венюков, — ни капли крови, ни одного выпущенного патрона». Хотя и «китайцы, правда, в течение 1854–1856 годов, обнаруживали миролюбие; военных приготовлений у них заметно не было» [7. — С. 91, 95]. Тем не менее условия, в которых был

вынужден действовать в 1850-х гг. генерал-губернатор Восточной Сибири, оказались необычайно сложными. «Он совершил чудеса, в особенности, чудеса для словолюбивой России, — констатировал «тайный советник» Муравьёва-Амурского, его близкий родственник М.А. Бакунин, — привыкшей заменять дело фразами да мечтами: без всякой помощи и поддержки, почти наперекор Петербургу он присоединил к русскому царству огромный благодатный край, придвинувший Сибирь к Тихому океану и тем впервые осмыслил Сибирь» [4. — С. 309].

К сожалению, заслуги Н.Н. Муравьёва-Амурского перед Россией в течение советского времени целенаправленно замалчивались, а конкретные результаты его плодотворной деятельности переадресовывались официальной историографией тех лет сподвижникам, в частности, В.С. Завойко и Г.И. Невельскому. Зачастую советские историки уничижительно именовали региональную политику генерал-губернатора Восточной Сибири «сатрапской формой управления» [45. — С. 102–103]. В результате с географических карт русского Дальнего Востока были удалены топонимы, связанные с исторической личностью графа Муравьёва-Амурского. Не говоря уже о варварском сносе большевиками высокохудожественного памятника работы академика А.М. Опекушина, установленного в 1891 г. в Хабаровске на берегу реки Амур.

К настоящему времени благодаря многолетним усилиям П.И. Кабанова, А.И. Алексеева, Н.П. Матхановой, А.В. Ремнева, других исследователей [2; 22; 28; 37], в том числе и автора данной статьи [см.: 16–19], в историографии Муравьёва-Амурского преобладают уже позитивные оценки его политической деятельности [24; 32]. Тем не менее проблемы остаются и требуют «свежего взгляда и нового научного анализа» [37. — С. 122].

Действительно, если учесть актуальность и масштабы дипломатического

подвига Н.Н. Муравьёва-Амурского, то возникает вопрос: как ему удалось присоединить к России громадную территорию общей площадью больше миллиона квадратных километров? Что ж, попробую ответить на этот вопрос посредством адаптации применительно к теме довольно распространенного ныне в мировой и отечественной политической науке, пожалуй, даже «модного» концепта «мягкой силы» (soft power) [1; 5; 20; 27; 30; 43; 49].

Впервые данный термин, в геополитическом его понимании, в научный оборот ввел профессор Гарварда Джозеф С. Най-младший в конце 80-х гг. XX в. [30, 49]. Хотя инструментарий «мягкой силы», справедливо замечает современный исследователь, применялся в мировой политике на протяжении многих веков [27. — С. 31]. Собственно, сама теория «мягкой силы» («жуань шили») была разработана еще древними китайскими мыслителями — Лао Цзы, Кун Фуцзы (Конфуций), Сунь Цзы — и уже более двух тысячелетий тому назад применялась в военном искусстве, в управлении государством и как средство морального воздействия Поднебесной империи на другие народы. В трактате Сунь Цзы «Искусство войны» сформулированы, например, следующие императивные установки: «Используй мягкие средства, чтобы побороть силу», «Избегай сильных сторон противника, используй его слабости». Замечу, что «мягкая сила» вновь обретает свою первоначальную значимость в современном Китае и других странах, где доминирует конфуцианская политическая этика [1. — С. 10].

С китайскими порядками, традициями и обычаями генерал-губернатор Восточной Сибири был хорошо знаком, так как не однажды посещал сопредельные регионы соседней Цинской империи. «...В административных действиях мы не лучше китайцев, — сообщает Муравьёв-Амурский из Иркутска летом 1859 г. своему другу

Е.П. Ковалевскому, — судебная часть наша, конечно, хуже китайской, дай бог только, чтоб политическая с ними не равнялась» [31. — Л. 1]. Участник дипломатических переговоров 1857–1858 гг. М.И. Венюков также отмечал «навык Николая Николаевича общаться с китайцами» [7. — С. 107]. Поэтому можно предполагать, что генерал-губернатор Восточной Сибири был информирован и относительно методов конфуцианской теории «мягкой силы». В пользу моей гипотезы свидетельствует логика последовательных целеустремленных действий Н.Н. Муравьёва, обеспечивших ему впоследствии беспрецедентный успех «Амурского дела».

Согласно концепции Дж. Ная, важным звеном структуры «мягкой силы» является «работа экспертов и советников», которые должны обосновывать и формулировать оптимальную стратегию достижения поставленной цели [27. — С. 31]. В этом отношении Муравьёв-Амурский, между прочим, располагал в 1850-х гг. уникальным кадровым ресурсом. Так уж складывались обстоятельства, что его административную команду консультировали первоклассные интеллектуалы из числа ссыльных оппозиционеров. «Муравьёв — генерал-губернатор Восточной Сибири, — сообщает Н.Н. Пестерев, — человек, говорят, умный, доброжелательный и даже крайне либеральный, друг и приятель всех политических людей, их спрашивает и выслушивает, с ними советуется...» [10. — Л. 144]. Особую роль в этой группе экспертов играл М.А. Бакунин — политик мирового уровня. В тот момент он был вовсе не анархист. В Сибири его знали больше как европейскую знаменитость, как «бывшего вице-президента саксонской республики» [37. — С. 87]. По свидетельству А. Розенталя, Бакунин являлся «одним из доверенных лиц Генерал-губернатора», имел на него «могучее влияние» [11. — Л. 212–212 об]. Данный факт подтверждают и другие современники [6. — С. 37; 12. — Л. 37].

В ходе подготовки к реализации проекта «воссоединения Амура с Россией», как определяет главную его цель М.И. Венюков, генерал-губернатор создал мощный «мозговой центр». Персональный его состав был довольно представительным. Советниками «сибирского проконсула» в течение тринадцати лет являлись: М.А. Бакунин, А.П. Балосогло, Г.С. Батеньков, М.А. Бестужев, Д.И. Завалишин, В.Ф. Раевский, М.В. Петрашевский, Н.А. Спешнев и др. [подробнее см.: 16–19]. Все они внесли вклад в разработку стратегии «Амурского дела». «Такое необычное сгущение культурных деятелей высшей европейской марки в далеком областном городе, — замечал Н.К. Пиксанов, — с неизбежностью должно было отозваться на расцвете местной жизни» [36. — С. 30–31]. Полагаю, что данный фактор усиливал ресурсный потенциал восточносибирской администрации существенным образом.

В качестве переводчиков и экспертов Н.Н. Муравьёв привлекал к сотрудничеству видных деятелей российской науки того времени. Среди них заметно выделяются знаток восточных языков, консул российского МИДа в Урге Я.П. Шишмарев, а также профессор Казанского университета, выдающийся отечественный синолог В.П. Васильев. По словам очевидца, будущий академик «...в это время занимался переводами с китайского описаний рек Амурского бассейна». Как вспоминает о Васильеве М.И. Венюков: «...с обычным ему великодушием, он сообщил мне опись реки Уссури и даже предложил не переписывать тетради, а оставить за собой оригинальную рукопись. Это был поступок, достойный истинного служителя науки, чуждого всяких расчетов» [8. — С. 285].

Советниками администрации Восточной Сибири 1850-х гг. были также высокообразованные священнослужители Русской духовной миссии в Китае: архимандриты о. Гурий (в миру Г.П. Карпов), о. Аввакум (Д.С. Честной),

о. Иакинф (Н.Я. Бачурин), о. Палладий (П.И. Кафаров) и др. [7; 8]. Начальник Миссии (с 1856 г.) о. Гурий (Карпов) китайский язык, например, «знал, как родной: свободно говорил и писал на нем». Владел он и европейскими языками, поэтому «и мог при своем изумительном трудолюбии перечитать все, что написали о Китае французы, немцы и англичане» [32. — С. 167]. Позже, когда графу Н.П. Игнатьеву было поручено вести переговоры по ратификации Пекинского договора с Китаем (ноябрь 1860 г.), архимандрит Гурий стал для него «незаменимым сотрудником» [3. — С. 37–47] (*курсив мой*. — В.Д.). Как уточняет М.И. Венюков, и граф Игнатьев принимал участие в «Амурском деле» на самом раннем этапе, когда находился еще в Лондоне в статусе «военного агента» (т.е. атташе) российского посольства [8. — С. 287].

По амурскому вопросу и китайско-амурчжурской проблематике в целом генерал-губернатор Восточной Сибири консультировали знаменитые уже в то время ученые-географы А.Ф. Миддендорф и П.П. Семёнов (Тяньшанский). Участие «в деле «воссоединения» Амура» Е.П. Ковалевского, члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук с 1856 г. и директора Азиатского департамента МИДа в 1856–1861 гг., подтверждает М.В. Венюков, который акцентировал «просвещенный патриотизм» и «отличное знакомство с Востоком» Ковалевского [8. — С. 286; 23]. Наконец, нельзя не упомянуть о значительном вкладе одного из самых близких сподвижников Н.Н. Муравьева-Амурского — адмирала Г.И. Невельского. До своего отъезда в 1856 г. в столицу он успел передать «обширные сведения о Нижне-Амурском и Уссурийском краях». В частности, Невельский советовал участникам переговоров «не упускать момента ослабления Китая, боровшегося с тайпинами и англо-французами» [8. — С. 285, 287].

Экспертное сопровождение дипломатической деятельности Н.Н. Муравьева

обеспечивал основанный им в 1851 г. Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества. Это был первый на Дальнем Востоке России научный центр, сотрудники которого занимались исследованиями в области географии, гидрологии, картографии, комплексного описания природных ресурсов и путей сообщения, статистики, археологии. Результатом деятельности ВСО ИРГО стал не только научный, но и социокультурный вклад в общественную жизнь региона. Его сотрудниками созданы музеи, научные библиотеки, астрономические обсерватории и метеорологические станции [39].

Ресурсы «мягкой силы», как их определяет Дж. Най, — это институты, «производящие привлекательность» [49. — Р. 8]. Среди них важную роль играют средства массовой информации, распространяющие в общественном сознании определенные мировоззренческие установки. Причем они должны быть, в первую очередь, привлекательными для молодого поколения страны [27. — С. 31–32].

Данной сфере потенциала «мягкой силы» Н.Н. Муравьев уделял большое внимание. По его инициативе с 1857 г. стали впервые издаваться сибирские региональные газеты [9; 26. — С. 39; 47]. «Под умелым редактированием петрашевца Спешнева, — отмечал Н.К. Пиксанов, — казенные «Иркутские губернские ведомости» превратились в содержательный общественно-научный орган. А вслед за «Ведомостями» возникла газета «Амур» [39. — С. 31]. При этом и к назначению бывшего «политического преступника» Н.А. Спешнева главным редактором губернского официоза, и к основанию первого в Сибири частного периодического издания генерал-губернатор Восточной Сибири имел прямое отношение [25; 40. — Л. 1–3; 47]. По словам В.Д. Скарятин, из всех действовавших генерал-губернаторов Муравьев-Амурский «первым в России доказал пользу

гласности» [41. — Л. 5–5 об]. Благодаря публикациям восточносибирской печати широкое распространение получила идея окончательного выхода Империи на «Великий океан, единственный открытый путь из России не в Швецию, не в Турцию, а в Америку, Австралию и южную Азию» [7. — С. 95]. Привлекательность перспективы создания новой «океанической цивилизации» на Дальнем Востоке вызывала массовый отклик со стороны образованной русской молодежи. По воспоминаниям В.Д. Скарятина, из столицы Муравьев-Амурский выманил на службу в Иркутск «целый транспорт молодых чиновников» [44. — Л. 5]. Подкрепляют данную оценку статистические сведения, опубликованные И.Л. Дамешек. Согласно ее данным, кадровый состав Главного управления Восточной Сибири, начиная с 1853 г., существенно менялся за счет притока новобранцев молодого возраста — в интервале между 20 и 30 годами. Аналогичные общероссийские возрастные показатели в губерниях были в то время гораздо выше [17].

Неслучайно в команду генерал-губернатора 1850-х гг. входили сыновья и близкие родственники декабристов: Ф.А. Анненков, М.С. Волконский, Е.И. Ледантю, В.А. Муравьев, В.М. Муравьев, Н.Д. Свербеев, В.И. Якушкин и др. [2. — С. 190; 34. — С. 12–16; 44]. «Сибирь, право, лучше Петербурга, — пишет Фёдор Анненков своему дяде, И.И. Пущину, в 1857 г., — там человек самостоятельнее и по мере возможности может быть полезным. Иркутск теперь наводнен новыми людьми...» [13. — Л. 52]. Причины высокой концентрации в регионе образованных молодых чиновников и офицеров на рубеже 1850–1860-х гг. некоторые авторы объясняют карьеристскими намерениями. Но факты свидетельствуют об иной мотивировке их добровольного переезда в отдаленную окраину империи.

«Служить в Сибирь меня манил не карьеризм, — вспоминал Б.А. Милютин (младший брат известных

государственных деятелей эпохи «великих реформ»), — он не был в моем характере. Сверх того, еще студентом, то есть лет за восемь, Сибирь меня привлекала, Амурская эпопея была у всех на языке. Личность графа Муравьева была какою-то легендарною» [29. — С. 595]. Большинство молодых офицеров и чиновников, приехавших в Иркутск по личному вызову генерал-губернатора, руководствовались именно благородными, патриотическими побуждениями.

«Как достиг Муравьев, — задает вопрос один из очевидцев, — подобных результатов? Чинов, орденов было тут мало. Нет, нужна была кипучая деятельность этого замечательного человека... нужен энтузиазм (да, энтузиазм!), который внушает молодым людям эта необыкновенная, высокая личность» [41. — Л. 5 об]. По словам В.И. Вагина, «Муравьев окружил себя молодежью, главным образом лицеистами, товарищами Струве (Б.В. Струве, отец П.Б. Струве. — В.Д.)» [16. — Л. 37]. Это были: Ф.А. Анненков, П.П. Аносов, Ф.А. Беклемишев, Е.К. Бюцов, Д.Н. Гурьев, А.И. Малиновский, П.П. Каблук, Ф.П. Павлицев, Н.А. Хитрово и др. [16. — Л. 37–38; 35. — С. 40, 48–49, 55–56, 60, 62].

«Определяя ресурсы «мягкой силы», — замечает современный автор, — следует фиксировать их потенциал как некое интегральное понятие. Потенциал «мягкой силы» — это возможности государства и общества во влиянии на другие страны, с целью добиться расположения этих стран, благоприятного восприятия образа страны, иницирующей действия «мягкой силы» [27. — С. 43]. Но и в этом смысле дипломатия Н.Н. Муравьева-Амурского, без сомнений, в максимальной степени соответствовала критериям вышеназванного концепта. Цель ее, как разъяснял он ближайшим сотрудникам, участвовавшим в долгих переговорах, заключалась в «дружелюбном сближении между Россией и китайским

государством». Для этого необходимо было создать привлекательный образ могущественной Российской империи как посредника или даже союзника в неравном противостоянии Цинской империи западным державам. В инструкции подполковнику А.И. Заборинскому на период его служебной командировки в Пекин генерал-губернатор требовал: «Можно и должно внушить Китайскому правительству, что дружба и союз с нами им прочнее и полезнее, чем со всяким другим государством и, наоборот, что вражда с нами совершенно губительна для царствующего ныне в Китае Маньчжурского дома» [21. — С. 638–639].

По мнению участника переговоров, дипломатическая миссия Муравьева могла сорваться. Это могло произойти, «если бы у китайского правительства не было бы в это время на руках тяжелых забот по борьбе с англо-французами, взявшими уже Кантон, с тайпинами, владевшими Нанкином, и с магометанами, которых восстание началось в 1857 г. и охватило обширную площадь от берегов Желтой реки в Шеньси до Кашгара» [8. — С. 290].

Благоприятные внешнеполитические условия Муравьев-Амурский сумел использовать так, что возвращение

Приамурья и присоединение Приморья к России, во-первых, произошло мирным, ненасильственным путем, а, во-вторых, получило международное признание. «Европа... — сообщал сотрудник восточносибирской администрации Н.Д. Свербеев из Неаполя 3(15) декабря 1858 г. М.С. Корсакову, — завидует России по случаю великого приобретения, которое она, разумеется, считает несравненно важнее для будущего, чем торжество свое в Севастополе» [48. — Л. 775–775 об]. Иначе говоря, дипломатический успех генерал-губернатора Восточной Сибири на Дальнем Востоке получил мировую известность. Тем самым компенсировался моральный ущерб, который был нанесен Российскому государству Крымской катастрофой 1855 г.

Итак, стратегический успех «Амурского» дела 1850-х гг. был обусловлен оптимальным выбором ресурсов, методов и средств, пригодных для осуществления данного проекта. Дипломатия Н.Н. Муравьева по отношению к цинскому Китаю в целом соответствовала основным параметрам теории «мягкой силы», была продуманной, дальновидной, а потому и феноменально эффективной.

Литература

1. *Абрамов В.А.* Императивный потенциал «мягкой силы» в стратегиях внутреннего и внешнего развития КНР // Вестник Читинского государственного университета. — 2010. — № 3 (60). — С. 8–15.
2. *Алексеев А.И.* Николай Николаевич Муравьев // Первопроходцы: Сборник / Сост. Л. Демин. — М.: Мол. гвардия, 1983. — С. 162–229.
3. Архимандрит *Августин (Никитин)*. С.-Петербургская духовная академия и российская духовная миссия в Пекине: Архимандрит Гурий (Карпов) (1814–1882) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. — СПб., 1993. — С. 37–47.
4. *Бакунин М.А.* Собрание сочинений и писем. — Т. IV. — М.: Изд-во Комм. Академии, 1935.
5. *Бобыло А.М.* «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Политология. — 2013. — № 14. — С. 129–135.
6. *Быкова В.П.* Записки старой смолянки: В 2 ч. — Ч. 2. — СПб.: Типогр. Е. Евдокимова, 1899.
7. *Венюков М.И.* Воспоминания о заселении Амура // Русская старина. — 1879. — Т. XXIV. — № 1. — С. 81–112.
8. *Венюков М.И.* Воспоминания о заселении Амура // Русская старина. — 1879. — Т. XXIV. — № 2. — С. 273–304.

9. Головачев П. Прошлое и настоящее сибирской печати // Восточное обозрение. — 1903. — № 17. — 21 января.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 95. Особая следственная комиссия 1866 г. Оп. 1. Д. 302. Ч. IV // Пестерев Н.Н. Исповедь (1866 г.).
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. 3-е Отделение. 1 эксп. Оп. 29. Д. 415. Ч. III // Розенталь А. Письмо киевскому военному генерал-губернатору И.И. Васильчикову от 10 июля 1860 г. из Иркутска.
12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. 3-е Отделение. Секр. архив. Оп. 3. Д. 1307.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1705. И.И. Пущин. Оп. 1. Д. 8. (Анненков Ф.А. 14. Письмо И.И. Пущину от 6 января 1857 г. из Иркутска).
14. Государственный исторический архив Иркутской области. Ф. 162. В.И. Вагин. Оп. 1. Д. 48. Л. 37 // Вагин В.И. Муравьевское время в Сибири (рукопись).
15. Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (опыт корпоративного исследования окраинной политики России в первой половине XIX в.). [Электронный ресурс]. — URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/domeshek_li/dameshek_4.html (дата обращения 25.01.2018).
16. Должиков В.А. Проблема политического альянса М.А. Бакунина с Н.Н. Муравьевым-Амурским в Иркутске (1859–1860 гг.) и ее освещение в отечественной исторической литературе // Дуловские чтения: Тезисы докладов и сообщений. — Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 1992. — С. 20–23.
17. Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь (1857–1861). — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993.
18. Должиков В.А. Политический альянс М.А. Бакунина и Муравьева-Амурского (к историографии проблемы) // Вопросы политической истории и политологии: Сборник научных статей. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1994. — С. 46–57.
19. Должиков В.А. Феномен графа Н.Н. Муравьева-Амурского в контексте многовариантного национально-регионального политического процесса в России эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х годов) // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. — С. 31–45.
20. Должиков В.А., Протасов А.В. «Мягкая сила» как ресурс внешней политики России // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история // Материалы XXXVII международной научно-практической конференции. — Новосибирск: Изд-во «СИБАК», 2014. — С. 22–25.
21. Заборинский А.И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский в 1848–1856 гг. // Русская старина. — 1883. — Кн. 38. — С. 623–658.
22. Кабанов П.И. Амурский вопрос. — Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1959.
23. Ковалевский Е.П. Путешествие в Китай: В 2 ч. — СПб.: Типогр. Королева и К°, 1853.
24. Козюра А.В. Российская историография о роли Н.Н. Муравьева-Амурского в становлении дальневосточной политики // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. — М.; Иркутск: Тэгу, 1997. — Вып. 2. — С. 28–32.
25. Кубалов Б.Г. Первенец частной сибирской печати газета «Амур» (1860–1862) // Записки Иркутского областного краеведческого музея. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1961. — С. 55–87.
26. Любимов Л.С. История сибирской печати. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982.
27. Макаревич Э.Ф. Привлекательность «мягкой силы» и способы ее измерения // PolitBook. — 2017. — № 1. — С. 30–48.
28. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.
29. Милютин Б.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. — 1888. — № 12. — С. 595–635.
30. Най, С. Джозеф (младший). Будущее власти / Пер. с англ. В.Н. Верченко. М.: АСТ, 2014.
31. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 356. Оп. 1. Д. 271.
32. Палимпсестов И. Преосвященный Гурий: (Из моих воспоминаний) // Русский архив. — 1888. Кн. III. — № 9. — С. 165–170.

33. Памяти достоин: к 205-летию со дня рождения Н.Н. Муравьева-Амурского: библиогр. указ. — 2-е изд., доп. / Амур. обл. науч. б-ка им. Н.Н. Муравьева-Амурского / Сост. Л.П. Кочнева. — Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 2014.
34. Памятная книжка для Иркутской губернии на 1861 год. — Иркутск: Тип. губ. правл., 1861.
35. Памятная книжка лицейстов. 1811 — 19 октября 1911 гг. — СПб.: Типогр. Мин-ва иностр. дел, 1911.
36. *Пиксанов Н.К.* Областные культурные гнезда. — М.; Л.: Госиздат, 1928.
37. *Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. — Т. 6. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983.
38. *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004.
39. Российская империя в 1815–1917 гг. [Электронный ресурс] URL: <https://geographyofrussia.com/rossijskaya-imperiya-v-1815-1917-gg/> (дата обращения 26.01.2018).
40. Российский государственный исторический архив. Ф. 772. Оп.1. Ч. 2. Д. 4701. Л. 1–3 // Выписка из отношения генерал-губернатора Восточной Сибири к управляющему Сибирского комитета от 14 декабря 1858 г.
41. Российский государственный исторический архив. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Д. 5396. Л. 5–5 об. // Скарятин [В.Д.]. Беглый очерк золотопромышленности в Восточной Сибири и значение ее для края (статья).
42. Российский государственный исторический архив. Ф. 1265. Оп. 9. Д. 50. Л. 1–2 об. // По ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири о возвращении потомственного дворянства коллежскому регистратору Спешневу, сужденному в 1849 году по прикосновенности к делу Буташевича-Петрашевского.
43. *Русакова О.Ф.* Дискурс soft power во внешней политике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2012. — № 32 (291). — С. 118–121.
44. Список учредителей Иркутской публичной библиотеки по 1 апреля 1861 года // Амур. — 1861. — № 28. — 8 апреля.
45. *Филимонов Г.Ю.* Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. — 2012. — № 1. — С. 67–82.
46. *Шатрова Г.П.* Декабрист Д.И. Завалишин. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984.
47. *Шевцов В.В.* Неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» в 1857–60 гг. как орган восточносибирской генерал-губернаторской власти // Вестник Томского государственного университета. История. — 2012. — № 2 (18). — С. 37–44.
48. Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 864. М.С. Корсаков. Оп. 1. Д. 20 // Свербеев Н.Д. Письмо М.С. Корсакову от 3 (15) декабря из Неаполя.
49. *Нye J.S.* Soft power. The means to sussess in world politics. New York, 2004.